

„Мѣщане“.

Драматическіе эскизы М. Горькаго.

„Мѣщане“ Горькаго на первый взглядъ— произведеніе непригодное для сцены, да ужъ и слышатся голоса театральныхъ критиковъ, увѣряющихъ, что имъ на представленіи этой пьесы было просто скучно.

Оставляя пока въ сторонѣ мнѣнія гг. критиковъ, постараемся опредѣлить, какими задачами руководился самъ авторъ. По моему мнѣнію, эти задачи лучше всего видны изъ слѣдующихъ двухъ выдержекъ.

Татьяна и Поля говорятъ о томъ, какъ писатели описываютъ въ книгахъ жизнь.

Татьяна (какъ бы сама съ собою). Дурно и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я о вижу... а какъ-то особенно... болѣе крупно... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь совсѣмъ не трагична... она течетъ тихо, однообразно... какъ большая, мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ.

И дальше, собственно уже о театрѣ.

Поля. „Вторая молодость“... Идемте, Татьяна Васильевна.

Татьяна. Нѣтъ, я въ этомъ сезонѣ едва-ли буду ходить въ театръ. Надоѣло. Меня злятъ, раздражаютъ всѣ эти драмы съ выстрѣлами, воплями, рыданіями. Все это неправда. Жизнь ломаетъ людей безъ шума, безъ криковъ... безъ слезъ... незамѣтно...

Петръ (урумя). Разыгрываютъ драмы на тему о страданіяхъ любви, и никто не видитъ тѣхъ драмъ, которыя терзаютъ душу человѣка, стоящаго между „хочу“ и „долженъ“.

Изобразить жизнь такъ, какъ она есть, сдѣлать героемъ именно ее, а не отдѣльныя личности—вотъ основная идея „Мѣщанъ“ Горькаго. И въ этомъ отношеніи Горькій пошелъ дальше Чехова, дальше „Трехъ сестеръ“. Все-таки въ послѣдней пьесѣ для созданія извѣстнаго настроенія публики, авторъ прибѣгаетъ къ нѣкоторымъ искусственнымъ приемамъ. Повторяются напр. какъ бы варіаціи одного основнаго мотива. Нельзя сказать, чтобы въ жизни всегда говорили такъ, какъ говорятъ персонажи въ „Трехъ сестрахъ“. Введена намѣренная отрывочность и рѣзкія подчеркиванія.

Я позволю себѣ сказать даже больше: въ „Трехъ сестрахъ“ замѣтены мѣстами нѣкоторые символизмы. Возьмите хоть, на примѣръ, многозначительное переключеніе Маши и Вершинина.

Голосъ Вершинина. Трамъ-тамъ-тамъ!

Маша (встаетъ, громко). Тра-та-та!

Тутъ вовсе не какой-нибудь условный знакъ влюбленныхъ, а именно символистическое изображеніе постепенно развивающихся чувствъ, сначала въ видѣ игривой, кокетливой шутки, а потомъ въ формѣ ясно выраженнаго призыва и покорнаго отвѣта.

Ничего подобнаго въ смыслѣ чрезвычайно

изящныхъ, но все-же искусственныхъ приемовъ у Горькаго нѣтъ и въ поминѣ.

Правда, мѣстами поддерживается настроеніе на примѣръ, звуковыми аксессуарами (Тетеревъ во время разговора извлекаетъ изъ піанино густые заунывные звуки, за сценой слышится наденіе самовара и т. под.), но и въ этихъ случаяхъ все это такъ-таки и могло быть въ дѣйствительности, не дирижируемое волей автора.

Горькій задался нелегкой задачей изобразить жизнь такъ, какъ она есть—на сценѣ, замѣнить, такъ сказать, правду художественною правдой жизненной. Это апогей реализма. Дальше идти, какъ будто, уже некуда.

Я не думаю, чтобы Горькій выполнилъ свою задачу идеально, или даже просто очень удачно. Нѣтъ, въ смыслѣ художественнаго совершенства, особенно въ смыслѣ сценичности „Мѣщане“ обличаютъ въ ихъ авторѣ еще большую неопытность, и я легко вѣрю слуху, что самъ Горькій недоволенъ своимъ произведеніемъ.

Но самую суть новой школы онъ несомнѣнно понялъ прекрасно и современемъ, думаясь, сумѣетъ примѣниться къ особеннымъ условіямъ сцены.

Я разсуждаю, конечно, какъ человѣкъ, не присутствовавшій на представленіи „Мѣщанъ“. За исключеніемъ одного рѣзко порицающаго голоса, принадлежащаго петербургско-московскому фельетонисту и театралу по преимуществу, вообще въ петербургскихъ газетахъ мы читаемъ самыя восторженныя похвалы, а внѣшній успѣхъ пьесы не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Допускаю, однако, что здѣсь играло роль имя автора, а также самая повизна для нашей публики пьесы въ этомъ родѣ, къ которымъ она еще неспособна критически отнестись...

Никакъ нельзя сказать, чтобы новая школа заключалась исключительно въ хорошемъ началѣ, замѣняющемъ прежнихъ героевъ. Обыкновенно актеры изображаютъ отдѣльныхъ лицъ и, смотря по степени таланта, болѣе или менѣе выдвигаютъ ихъ въ типичныхъ образахъ. Въ новой нарождающейся школѣ сами персонажи исполняютъ нѣкоторую драму жизни, важную не по своему содержанію, а по общему высшему смыслу. Здѣсь пьеса не представляетъ ни характера эпизодическаго, ни картины страстей и душевныхъ мукъ, а задается цѣлью въ живыхъ образахъ объяснить зрителямъ самую философію человѣческой жизни.

Тенденціозность допустима здѣсь лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые неизбѣжны при всякомъ субъективномъ трудѣ.

Чтобы закончить краткую характеристику произведенія вродѣ „Мѣщанъ“, или „Трехъ сестеръ“ съ точки зрѣнія сценической, скажу нѣсколько словъ о крайней трудности выполненія. О пьесахъ прежнихъ говорили, что вотъ такой-то актеръ вынесъ ее на своихъ плечахъ. Бывали случаи, что два, три исполнителя играли среди полныхъ бездарностей и даже просто неумѣлыхъ актеровъ, и драма дебютировала съ полнымъ успѣхомъ.

Въ пьесахъ новой школы ничто подобное не возможно. Всякая малѣйшая ошибка исполнителя самой ничтожной роли можетъ нанести огромный ущербъ жизненности драмы. Въдѣ ея единственный герой—сама жизнь, а

она не терпитъ ни малѣйшаго диссонанса, не допускаетъ фальшивыхъ нотъ.

И еще одно замѣчаніе. Трудность выполненія драмы новой школы обуславливается и тѣмъ, что каждый актеръ долженъ совершенно сжиться съ своей ролью и не можетъ надѣяться на то, что сама роль увлечетъ его какимъ-нибудь блестящимъ монологомъ. Приходится не только исполнять роль, выходя на подмостки, но и всецѣло жить ею даже за кулисами. Это уже высшее искусство, далеко не всеѣмъ доступное, почему напр. исполненіе на провинціальныхъ сценахъ „Трехъ сестеръ“ представляло что-то до невозможности жалкое и нелѣпое.

Съ „Мѣщанами“ актерамъ справляться еще труднѣе.

Перехожу теперь къ самому содержанию драматическаго произведенія Горькаго.

Его трудно передать въ нѣсколькихъ словахъ, потому что нѣтъ здѣсь фабулы, дѣйствія, а только сцены, вырванныя изъ жизни, во всей ихъ неприглядности, пошлости безыходной и безцвѣтнаго, не блещущаго яркими красками трагизма.

Старый мотивъ „отцы“ и „дѣти“ въ жизни захолустной мѣщанской среды.

Взаимное непониманіе отцовъ и дѣтей, масса ненужнаго страданія и вѣчное терзаніе другъ друга.

Здѣсь сказалось отношеніе Горькаго къ современной интеллигенціи, въ которую писатель не очень вѣритъ. И въ этомъ смыслѣ несомнѣнна тенденціозность „Мѣщанъ“.

Если „отцы“ — старики Безсѣменовы, заѣдены мѣщанствомъ, „дѣти“ — Татьяна и Петръ заѣдены рефлексіей, нитики, слабосильные и слабовольные.

Именно въ этомъ и заключается весь чудовищный трагизмъ пошлости. Живутъ люди другъ съ другомъ. Старики по своему любятъ дѣтей, но обижаются на нихъ за отчужденіе и неприкрытое презрѣніе ко всему, что мѣщанство считаетъ устоями жизни.

Дѣти въ душѣ, быть можетъ, жалѣютъ мать и отца, но презираютъ ихъ какъ людей „не своихъ“, хотя сами живутъ тутъ же, въ старомъ родительскомъ домѣ, никуда не уходятъ, мучая себя, мучая другихъ.

Тутъ нѣтъ и помина гордаго вызова со стороны дѣтей, борьбы — одно нытье, вѣчное растравливаніе душевныхъ ранъ и тоска, безыходная тоска людей, оторванныхъ образованіемъ отъ родной почвы, но не способныхъ къ существованію самостоятельному.

Татьяна еще работаетъ (она учительница), но въ ея трудѣ нѣтъ ничего освѣжающаго, поднимающаго духъ, она вѣрнѣе всего тяготеетъ своей профессіей и ищетъ выхода изъ этого тоскливаго омутъ пошлости, изъ оголѣлаго царства мѣщанства.

Петръ — студентъ, неожиданно прекратившій ученіе въ университетѣ по „независимымъ обстоятельствамъ“ и изымающій на родинѣ, въ семьѣ. Онъ лежитъ, спитъ по цѣлымъ днямъ и тоскуетъ, гложетъ самъ себя.

И Татьяна и Петръ сами ничего не могутъ сдѣлать, не способны и шагу ступить, чтобы завоевать себѣ счастье и духовную свободу. Они, конечно, жаждутъ въ душѣ другой жизни, но оборвать всѣ связи съ корнемъ не въ состояніи. Они боятся причинить боль рѣзкимъ

ударомъ, разсѣкающимъ нить между „отцами“ и „дѣтьми“, а сами своимъ „отцамъ“ причиняютъ горькія муки вѣчной тоскливой зудой, угрюмымъ видомъ и отчужденіемъ. Они боятся уйти изъ дома и потому, что они жалкіе, неспособные къ борьбѣ, люди. Борьба не прельщаетъ ихъ, они не надѣются на себя, ихъ пугаетъ мысль остаться на своей собственной отвѣтственности и вотъ, живя въ старомъ мѣщанскомъ домѣ, питааясь за счетъ родителей, они проклинаятъ и домъ этотъ, и этотъ ку-сокъ.

Татьяну и Петра одинаково тянутъ къ себѣ смѣлые люди, при помощи только ихъ могутъ они выбраться изъ невылазной грязи мѣщанства.

Татьяна надѣется на мужчину — Нила, воспитанника въ домѣ Безсѣменовыхъ.

Петръ на женщину — Елену, вдову, постоялку въ томъ же домѣ.

Ниль и Елена — люди другой категоріи, хотя между собою почти во всѣхъ отношеніяхъ различные. Но въ нихъ есть и общее, непосредственность, а главное сила, увѣренность въ себѣ.

Петръ счастливѣе сестры: Елена беретъ его сама.

Она говоритъ Безсѣменову-отцу:

— „Да, я сама взяла его у васъ, сама! Я сама... я первая сказала ему, предложила жениться на мнѣ...“

„Это я вырвала его у васъ! Мнѣ — жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь — гибель для него!“

„Я буду такъ просто жить, жить съ нимъ... безъ вѣнца... но вамъ не дамъ его! Не дамъ! Вы болѣе его не станете мучить, нѣтъ! И онъ не придетъ къ вамъ — никогда! Никогда! Никогда!“

Петра спасаетъ женщина и онъ спѣшитъ за нею, боясь послѣдней бурной сцены съ отцомъ. Но едва ли Елена сдѣлаетъ изъ Петра другого человѣка, едва ли перестанетъ онъ трусить жизни и борьбы. Вѣрнѣе, Петръ будетъ такимъ же Безсѣменовымъ-отцомъ, но „мѣщанство“ прикроетъ либерализмомъ и „хорошими словами“. Только и всего...

Татьянѣ не удается вырваться. Ее тянетъ къ сильному Нилу, но тотъ простой машинистъ, хотя и понявшій уже многое въ жизни и ставшій по образованію гораздо выше окружающей среды, избираетъ въ подруги жизни Полю, простую дѣвушку, незатѣйливую, жизнерадостную, безъ всякой рефлексіи и самоугрызенія.

Татьяна отравляется нашатырнымъ спиртомъ, ее спасаютъ.

Она остается въ домѣ. Ее некому сласти...

Вотъ послѣдній аккордъ, которымъ она прощается со всѣми надеждами:

„Татьяна, медленно смѣясь, облакачивается на клавиши.“

„Въ комнатѣ раздается нестройный, громкій звукъ многихъ струнъ и — замираетъ.“

Замираетъ духовная жизнь Татьяны, впереди одна тоска и безвольное подчиненіе мѣщанству.

Что сказать о сильныхъ людяхъ? Они, говоря по совѣсти, не удались Горькому въ „Мѣщаннахъ“. Елена — очерчена слабо. Ниль... но Ниль, кто его знаетъ, что изъ него выйдетъ,

изъ этого непосредственнаго человѣка, смѣло берущагося за жизнь и готоваго грудью отстоять и себя и свое счастье?

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣкто „Мечтатель“ говоритъ:

„Вашъ Нилъ — просто стихійная сила, которая свободно можетъ потечь и по желобу, услужливо построенному гг. Львомъ Тихомировымъ, Григгмутомъ и К^о“...

Кстати, „Московскія Вѣдомости“, напуганныя проявленіями жизни въ рабочей средѣ, именно теперь стараются надъ приготовленіемъ этого русла, посвящая цѣлыя передовыя рабочему вопросу, который раньше считался въ этой газетѣ равносильнымъ губительной и подлежащей искорененію крамолѣ.

Дѣйствительно, куда пойдетъ Нилъ? И не въ интеллигенціи-ли, можетъ быть и слабой, и безвольной, и поощей, могутъ найти сильные люди указаніе приложенія своихъ силъ?

Только сильные люди плохо вѣрятъ нытикамъ и быть можетъ упрекъ Горькаго интеллигенціи тѣмъ болѣе справедливы, что со своимъ нытьемъ и безвоіемъ интеллигенты не могутъ стать руководителями непосредственной жизненной силы.

Я не стану ничего говорить о старикахъ-Безсѣменовыхъ. Оба они очерчены въ высшей степени правдиво и образно.

Можно только дивиться, какъ Горькій, въ душѣ столь ненавидящій самъ мѣщанство, сумѣлъ стать на точку зрѣнія этого самаго мѣщанства и ни на минуту не измѣнилъ художественной правды, не сгустилъ красокъ, не перешелъ въ злую карриатуру. Тутъ сказался истинный талантъ.

Къ концу пьесы всѣ уходятъ, кромѣ бѣдной Татьяны, изъ дома и въ ужасѣ, въ тоскѣ, въ недоумѣніи остается старикъ Безсѣменовъ. Всѣ неблагоприятные, которыхъ онъ растилъ, пріютилъ, вскормилъ и вспоилъ дѣти, которымъ онъ далъ образованіе, — всѣ уходятъ и оставляютъ его со словами проклятія и ненависти къ его родному гнѣзду.

„Дайте мнѣ понять, что такое? Всѣ куда-то уходятъ безъ всякаго объясненія намѣреній... зря... обидно и безпутно! Куда ты можешь идти, Петръ? Ты... что ты такое? Какъ ты хочешь жить? Что дѣлать? Я имѣю правъ спрашивать... ты — молодецъ, ты еще — глууцъ! Я пятьдесятъ восемь лѣтъ растягивалъ жилы мои въ трудахъ ради дѣтей...“

Но никто не объяснилъ Безсѣменову, что такое происходитъ, за что такая обида, такой позоръ.

Остается еще Тетеревъ, пѣвчій пьяница, давшій самъ себѣ аттестацію: „потомственный алкоголикъ и кавалеръ зеленого змія“, но человѣкъ въ то же время сильный физически, и духомъ — философъ.

Излюбленный тишъ Горькаго въ смыслѣ босяческаго романтизма.

Въ пьесѣ его роль отчасти резонера, отчасти хора древнихъ драмъ, поясняющаго происходящее на сценѣ.

Оно, впрочемъ, выходитъ естественно. Тетерева ничто не задѣваетъ серьезно въ драмѣ Горькаго, развѣ подобіе нѣкотораго чувства къ Полѣ. дѣ и то едва ли мечталъ онъ связать съ нею жизнь. Онъ свободенъ внутренно, духовно свободенъ, несмотря на окружающую пошлость и собственное пьянство.

„Проклятіе дому сему“ — звучитъ его возгласъ въ концѣ второго акта...

Быть можетъ, новое произведеніе М. Горькаго страдаетъ длиннотами, быть можетъ автору слѣдовало бы налѣ нимъ еще поработать прежде чѣмъ ставить на сцену, но на меня лично послѣ „Трехъ сестеръ“ давно ни одна пьеса не производила столь глубокаго впечатлѣнія, хотя я и не видалъ ея на сценѣ.

Заболѣть можно отъ „Мѣщанъ“ Горькаго, заболѣть духомъ, въ отчаяніе придти передъ этимъ чудовищемъ мѣщанства, которое, кажется, только по формѣ разрушается, чтобы возникнуть въ повой, и жить, какъ гидра, у которой на мѣстѣ отрубленной головы вырастаютъ двѣ новыхъ.

Эти „дѣти“, да развѣ далеко ушли они отъ „отцовъ“, хотя думаютъ, что ихъ раздѣляетъ цѣлая пропасть?

Въ пошлости и мѣщанствѣ родились они — въ пошлости и мѣщанствѣ умрутъ.

„Проклятіе дому сему! И больше ничего...“

Не на чемъ остановиться, не на что опереться и все, послѣ чтенія „Мѣщанъ“, кажется долго въ окружающей жизни покрыто сѣрой, безпросвѣтной пеленой.

Нѣтъ надежды и на эту Елену, и на Нила даже, чуждаго намъ, интеллигентамъ, непонятнаго, грубаго и рѣзкаго, но во имя лѣтѣхъ идей, которыя мы исповѣдуемъ, или просто это сильный, здоровый звѣрь, расправляющій руки, чтобы пробиться впередъ? Куда, за чѣмъ? И этотъ пионеръ, этотъ новый человѣкъ, не оснуеть-ли онъ самъ новаго мѣщанскаго очага на иныхъ только началахъ, новаго гнѣзда Безсѣменовыхъ второго поколѣнія, построить такой же домъ и, воздвигая его, будетъ хвалить самъ себя и радоваться пріобрѣтенію собственности, заработанной собственнымъ трудомъ и также этимъ трудомъ будетъ попрекать свое поколѣніе, повторяя вѣчно-новую исторію „отцовъ“ и „дѣтей“.

Куда дѣваться отъ чудовища пошлости, какъ освободиться отъ его лапъ?

И неужели только одинъ Тетеревъ, ничѣмъ не связанный съ жизнью, не пустившій никакихъ корней, „потомственный алкоголикъ и кавалеръ зеленого змія“ — носитель свободы духа?... Неужели только къ нему не прилипла грязь мѣщанства и останется онъ вольной птицей, отрицающей самой натурой своей пошлость окружающей жизни?

Да и существуютъ ли такіе „потомственные алкоголики“, на свѣтѣ, сохраняющіе эту силу и свободу духа и мощь тѣла, не фантазія ли это Горькаго, который самъ хочетъ остановиться на чемъ-нибудь среди мутнаго омута мѣщанства, тянущаго всѣхъ на свое илистое, грязное дно?

Тетеревъ — тишъ, созданный еще раньше Горькимъ, но ослабленный и значительно потушкѣвшій.

М. Протопоповъ въ „Русской Мысли“ говоритъ, что Горькій только молодцевато бодрится. А что, если и Горькаго, поклонника силы, ждетъ разочарованіе въ „сильныхъ людяхъ“ передъ лицомъ окружающаго безсилія?

Куда же дѣваться отъ мѣщанства и его тошкой, затягивающей трясинны?

Скучно, тоскливо, Боже мой, какъ тоскливо жить, господа, въ сѣромъ безвременьѣ!

С. Яковлевъ.